Псевдодокументалистика на российском телевидении

Уж сколько их упало в эту бездну

Анна Ахматова

Слава Тарощина

Варварским вторжением в чужую частную жизнь сегодня трудно удивить зрителя. Но вот выходят три новых проекта, посвященных великой Анне Ахматовой, известной Юлии Друниной, популярной Валентине Малявиной, и понимаешь: предела нет. Псевдодокументальные жанры развиваются с пугающей скоростью. Еще недавно перед авторами стояла относительно скромная задача — уложить судьбу известного человека в формат, доступный потребителю. Сделал акцент на бытовуху (Гундареву погубил аборт, Миронова — бабы, Буркова — пьянка) — и успех готов. Теперь неугомонные мастера идут дальше. В премьерах, о которых речь, жизненная драма художника подменяется экранной мелодрамой.

Трехсерийный цикл «Ты сын и ужас мой...» Анна Ахматова и Лев Гумилев» открывает новые горизонты. Пала последняя зона, свободная от таблоидной эстетики, — канал «Культура». История искусств способна одарить драмоделов личными тайнами такого калибра, по сравнению с которыми Пугачева смотрится гимназисткой румяною. Один Серебряный век чего стоит! Особенно дело спорится, когда за него берутся люди ученые, вроде директора Музея Ахматовой в Фонтанном доме Нины Поповой.

Попова, автор и ведущая цикла, с первых кадров заявляет об эксклюзивности представленного материала. Кто бы спорил? Но ведь именно она, обладающая полнотой информации, первой должна была понять, что не имеет права касаться трагических взаимоотношений Ахматовой с сыном. Во-первых, потому что в современном телеформате невозможно воспроизвести всю сложность общего и частного, ахматовского, контекста 20—60-х годов прошлого века, без чего повествование некорректно. Во-вторых, потому что иррациональность отношений двух самых близких людей, особенно таких гибельных, как герои программы, не всегда поддается рациональному осмыслению. В-третьих, потому что по долгу службы лучше многих обязана понимать тыняновскую формулу «документы врут как люди». Сам монтаж документов, подбор цитат, их подача — уже выбор. Попова выступает адвокатом Гумилева и судьей Ахматовой. Так интереснее, сериальнее. Сын опальных родителей чувствует себя лишним, нелюбимым и в Бежецке, где он в детстве жил с бабушкой, и в лагерях, где оттрубил 15 лет, и в мамином доме. Его письма кровоточат обидами. Попова пошла по пути, от которого предостерегала знаток вопроса, литературовед Эмма Герштейн: следует говорить об уникальности и двусмысленности положения Ахматовой, а не ее поведения. При этом ракурсе разговора совсем бы по-другому прозвучала и гневная ахматовская фраза: «Ни одна мать не сделала для своего сына столько, сколько я!» Действительно, не каждая ради спасения ребенка решится на самоубийство. А для Ахматовой верноподданнические стихи и ода Сталину были страшнее смерти.

Но в том-то все и дело, что великого поэта в фильме вытеснил бытовой человек (хотя, заметим в скобках, смысл культуры в кавычках и без — не личная жизнь творца, а его творчество). Именно поэтому здесь не прозвучало главное обвинение. У Ахматовой была одна возможность защитить сына — уехать с ним в эмиграцию, но поэт в ней победил мать. А такой выбор явно не укладывается в сериальное русло.

Юлия Друнина

Зато, как выяснилось экспериментальным путем, для него идеально подходит жизненный путь другого поэта, оформленный по канонам жанра в документальный фильм «Последняя осень Юлии Друниной». Осенью 1991-го она покончила с собой в гараже, оставив записку о добровольном уходе из жизни. Идея фильма пряма и незатейлива — патриот, фронтовичка, общественный деятель Друнина не могла смириться с крушением страны, за которую проливала кровь, гибелью идеалов, а также смертью мужа. Авторов не волнует, что материал плохо подгоняется под концепцию. Муж, Алексей Каплер, умер 12 лет назад; позже в жизни Друниной появился еще один любящий мужчина. Крушение страны Юлия Владимировна переживала в ранге народного депутата. Да и гибель идеалов коснулась не только ее, а еще примерно миллионов 50, но не все они самоубийцы.

Не умея справиться с драмой чужой жизни, авторы лепят мелодраму. Дочь дает странные показания глухим безразличным голосом о маминой жестокости, подруги охотно распространяются о ее поклонниках, капризах, непредсказуемости. Но этого мало. Есть справедливое опасение, что имя Друниной незнакомо сегодняшнему зрителю, поэтому делаются ставки на верняк. Преисполненный глубокого самоуважения Говорухин привычно громит великую криминальную революцию. Артистка Марина Зудина прескверно читает стихи Друниной. Но выше всех другая артистка — Людмила Поргина. Она долго и вдохновенно рассказывает, что восстановление ее мужа, Николая Караченцова, проходит в том числе с помощью бессмертных друнинских строк. Видеоряд идет сцена их летнего венчания и прочие сцены, известные зрителю по недавнему фильму о Николае Петровиче «Возвращение». Новые технологии многообещающи — берешь напрокат чужую трагедию и с ее помощью привлекаешь внимание к той, которую окучиваешь здесь и сейчас.

Валентина Малявина

Имеются и другие варианты, противоположные друнинскому. Это когда мемуары, род самооправдания, целиком переносятся на экран даже без попытки осмысления. Так случилось с фильмом «Роман со смертью», посвященном Валентине Малявиной, театральному кумиру 60—70-х. Вопиющая бестактность сопровождает уже первую фразу: «Сегодня от той Малявиной не осталось ничего — ни славы, ни любви, и даже ее роскошные глаза не могут больше видеть: она недавно ослепла». Ослепла, но не оглохла. Малявина присутствует в кадре и больным задыхающимся голосом пытается комментировать свою страшную судьбу, где были и Збруев, и Тарковский, и Кайдановский, и тюрьма, и белая горячка. А теперь есть только бомжедомка и ТВ. То Малахов позовет поговорить, то целый фильм замастырят, да еще обзовут документальным...

Жалко жанр, оборачивающийся в ящике самопародией. Жалко людей, живых и мертвых. Тех, чья жизнь и судьба становится исходником для телехалтуры. Как сказала бы Цветаева, уж сколько их упало в эту бездну... А сколько еще упадет!